

1992 год

Варечка заворуженно смотрела, как кукла вдруг приподняла правую ручку, точно в приветствии, приотпнула ножкой, и... улыбнулась. Тряхнув головой, пару раз зажмурившись, девочка плотно прижалась носом к стеклу витрины и замерла, боясь моргнуть, чтобы не пропустить еще какое-нибудь движение куклы. Но розовые пухлые губки уже не улыбались, а ручка так и осталась слегка приподнятой. Теперь перед Варечкой на обтянутом красным бархатом пьедестале стояла очень красивая, но совсем не живая кукла. Варечка разочарованно вздохнула. Она ходит к этому кукольному магазину каждый день с того самого утра, когда Эмили, так она назвала для себя эту дивную красавицу, впервые показалась ей живой. Всего на несколько мгновений, но их хватило, чтобы девочка поверила в чудо.

Варечка знала, что до закрытия магазина оставалось совсем немного, что вот-вот с той стороны стекла в витрину, прихрамывая на широких ступеньках, войдет старик, косо посмотрит на нее и протянет руку куда-то за спину куклы. После чего жалюзи будут медленно опускаться, постепенно закрывая окно. Последними Варечка была готова увидеть обутые в белые

лаковые башмачки ножки Эмили. Вот сейчас прощально сверкнут красные пугови-камешки на ремешках, а потом останется видна лишь бархатная обивка кукольного пьедестала.

Но в этот раз случилось иначе — башмачки вдруг мелькнули и исчезли. Варечка присела на корточки, пытаясь заглянуть в узкую полоску стекла между нижним краем жалюзи и полом витрины. Она не испугалась, нет, но ее сердце отчего-то забилося часто-часто. А вдруг? Вдруг Эмили умеет ходить и Варечка сейчас увидит это... Но вместо башмачков перед ее взором материализовались мужские ноги в черных ботинках. Они сделали шаг в сторону, еще один и, обогнув кукольный пьедестал, исчезли из поля ее зрения.

Варечка разочарованно вздохнула и хотела было подняться с асфальта. Но замерла: ей послышался громкий вскрик. Она вскочила, кинулась к входной двери магазина, потянула на себя ручку — но быстро поняла, что дверь заперта. Девочка вновь присела на корточки перед витриной и попыталась рассмотреть, что же такое происходит внутри помещения. То, что старый кукольник там не один, ей было понятно. Но Варечку больше всего интересовало, куда делась с пьедестала Эмили. Она отвернулась от окна всего на миг, посмотреть на кошку, которая уселась рядом с ней. Кошка тут же убежала, и Варечка вновь повернулась к витрине...

Рядом с кукольным пьедесталом лежал и смотрел на нее застывшим взглядом тот старик, что каждый день закрывал витрину магазина. Варечка, зажмурившись до боли в глазах, чтобы не видеть его широко открытых глаз, отчаянно закричала. Чьи-то руки под-

хватали ее, оторвали от асфальта, и это было последним, что она запомнила...

Утром, проснувшись, она сразу побежала на кухню, откуда слышались голоса мамы и папы. Дверь была прикрыта неплотно, Варечка, остановившись перед ней, услышала слово «кукла». Она вмиг вспомнила все, с ней вновь случилась истерика. Твердя о черных ботинках и лаковых башмачках, Варечка словно в бреду звала Эмили и не понимала, почему ее заставляют пить какую-то горькую воду.

Потом они с мамой долго ехали на машине, она даже заснула, положив голову ей на колени. Место, куда они прибыли, было ей незнакомо. Среди огромной высоты сосен стоял самый настоящий дворец. «Здесь живут принцессы?» — спросила она, когда они вошли в здание. «Нет, дочка, это — санаторий», — ответила мама. Варечка покорно согласилась пойти к доктору, ей казалось, он обязательно ее поймет, она все-все ему объяснит — как сбежала Эмили, как ее поспешил догонять человек в тех самых черных ботинках, а старик ему хотел помешать, но умер. Доктор слушал внимательно, но по тому, как тревожно он косился на маму, Варечка догадалась, что и он не поверил ей. Мама ушла, а ее доктор привел в совсем белую комнату, уложил в кровать и оставил одну. Она заснула в слезах, прижимая к себе любимую мягкую игрушку — серую мышь с розовыми ушами.

День за днем проходили одинаково — она спала, ела и ходила к доктору в кабинет. А мама все не возвращалась. Варечка спрашивала о ней, но няня сразу отворачивалась, а доктор тут же задавал ей какой-нибудь вопрос. И Варечка поняла, что так будет всегда. Ей было

ужасно скучно, но других детей рядом не было. Нянечка, которая приносила еду, помогала умыться и давала ей лекарства, приносила и детские книжки. Варечка читала все подряд, сначала с трудом складывая слоги в слова. Она привыкла к такой жизни, но все равно ждала, когда ее заберут из этого санатория.

Однажды в дверь ее комнаты вошла мамина сестра тетя Катя и увела ее с собой. В больничной пижамке Варечка шла по двору, который до того видела лишь из окна, к воротам. Тетя Катя крепко держала ее за руку, словно боясь, что она захочет вырваться и побежать обратно. Но у нее и мысли такой не было, Варечка торопилась к маме в полной уверенности, что та ждет дома. И, скорее всего, готовит ей блинчики с картошкой и яблочным повидлом. А как иначе? Мама наверняка знает, как надоела дочке в санатории противная несладкая каша и вязкий кисель.

У ворот Варечка оглянулась — стоявший на крыльце доктор помахал ей рукой. Она быстро отвернулась и покрепче прижала к груди игрушечную мышь. Варечка точно знала, что больше никогда-никогда сюда не вернется.

2021 год

Прозекторская была ярко освещена неоновыми лампами. Одинцов стоял у стола и смотрел на прикрытое больничной простыней тело женщины. И никак не мог поверить, что это — всего лишь ее земная оболочка. Без души, обездвиженная смертью. Он откинул ткань с лица покойной. Оно пока еще сохранило бледную тень красоты женщины, Иван помнил его эмоци-

онально живым, с лукавым блеском карих глаз, розовым детским румянцем и чуть тронутым косметикой — так, мелочь: на губах бледная помада, карандашом подчеркнуты брови, мазки туши на ресницах. Еще вчера днем Анна ему улыбалась...

Испытав смешанное чувство досады и несвойственного ему страха (столько лет наедине с трупами!), Одинцов открыл историю болезни — потеря сознания, реанимационные мероприятия... препараты... скончалась в машине скорой помощи. Предварительный диагноз: гипогликемия, диабетическая кома. Не довезли до больницы, не успели... «Анна жила одна в съемной квартире, местный контакт в смартфоне один — мой собственный номер, сама говорила. А я ей кто? Да вообще никто! И знать не знал, что она диабетик! А вопросов теперь не избежать», — подумал он, вновь испытав досаду. Не любил Одинцов попадать в такие неоднозначные обстоятельства. И отвечать за других не любил.

Иван полностью откинул белое полотно и приступил к тщательному осмотру. Беспокойство, овладевшее им с первых минут, как только он прочел имя на карте, не отпускало. Странное появление в его жизни Анны, странное поначалу ее поведение, позже ставшее понятным, странная смерть как-то уж очень не вовремя. Как раз сегодня он должен был познакомить ее с Варей, тем самым сняв с себя ответственность за доверенную ему женщиной тайну — пусть дальше разбирается жена. Иван даже заказал столик в том самом кафе, где они с Анной встретились днями. Что он скажет жене? Или — не скажет? Уже зачем? Смысл? «Черт, как сложно-то! И к кому сунуться за советом?

Оно мне надо — все самому решать? Родион... да, нужно позвонить ему!» — подумал Одинцов и склонился над телом.

Иван приблизил лупу к небольшой гематоме, которую заметил на шее за правым ухом женщины.

— Вот черт! Это еще что такое? — громко воскликнул он, обнаружив в центре едва заметную точку засохшей капли крови. «Сама она сюда вколоть шприц никак не могла. Убийство? Ну, я попал...» — пришла следом отчаянная мысль.

Санитар морга узбек Саид, стоя возле гудящей мерно вытяжки, насторожился. Он не услышал слов, но то, что его начальник выругался, не скрывая досады, его удивило — более сдержанного и вежливого русского, чем доктор Иван, в этом суетном городе он не встречал.

Глава 1

Варвара Тихоновна Одинцова, машинально поправив сползшее с босых ног Андрейки одеяло, заглянула в закуток, где спала дочь. В тесной для двоих подростков комнате их квартиры Стася недавно попросила выгородить себе угол, в котором поместились бы кровать и тумбочка. А ведь еще год назад она вполне мирно уживалась с младшим братом, деля с ним письменный стол и оба шкафа — книжный и гардероб. При обсуждении, как бы выполнить желание Стаси без ущерба для обоих детей, самое приемлемое решение предложил Андрейка: два стеллажа из коридора были использованы для зонирования, а гардероб переехал на их место.

Варя осторожно присела на край кровати дочери. Стася беспокоила ее все больше: к ее резко наступившему подростковому нигилизму Варя как мать была явно не готова, думая, что уж пара лет до наступления пубертатного возраста в запасе имеется. Не тут-то было, и Андрейка первым испытал на себе возникший на ровном месте гнев старшей сестры. И случилось это лишь из-за того, что без разрешения позаимствовал ее наушники.

Варя вздохнула — сколько еще битв между детьми предстоит наблюдать, сколько бессильных слез пролить, она примерно представляла — просветила ее недавно в этом вопросе кузина Дарья, у которой дети родились с той же разницей в четыре года, но раньше. Муж красавицы Даши, владелец строительной компании «РиВ» (Родион Ильич Варлей), быстренько сориентировавшись в ситуации (не прошло и года в скандалах), определил старшенькую в лондонский колледж с проживанием в семье, где, как он узнал, воспитание детей было строго пуританским. Ни тихий скулеж Даши, ни гневные вопли дочери не тронули черствого сердца бизнесмена, штампом «все оплачено» он подвел итог пререканий, выложив при этом перед ними на стол билеты на лайнер до Хитроу. Билетов было три: в один конец — для дочери, для жены — два, один из которых, обратный, имел открытую дату вылета. Чем Дарья и воспользовалась в полной мере — не видел ее муж полгода, туману Даша, рассказывая о британской жизни, напускала изрядно, заставляя ревнивца мучиться от неизвестности. И только Варя знала, как сестра проводит время — поселившись неподалеку от колледжа, та буквально «пасла» дочь. Только убедив-

шись, что той учеба «в кайф», а новые друзья сплошь «в адеквате», Даша вернулась домой к мужу и сыну.

У Вари возможности отправить Стаську хоть куда, даже к бабушке подруги в Витязево на море, не было. Скромных зарплат: ее — учителя истории в средней школе и мужа — патологоанатома в городской больнице едва хватало на два быстро растущих детских организма. Благо Стаська за брендовыми шмотками не гналась, а Андрейка вообще не замечал, что носит и ест — какая-то неумемная тяга к поглощению знаний появилась у него еще в ползунковом возрасте: книжки, открытые Стасей лишь раз, он замусолил до состояния негодности, переворачивая страницы и водя пальчиками по еще непонятым ему буквам. Когда старшая сестра научилась складывать слоги, Андрейка читал предложениями, тут же запоминая текст слово в слово. В три года Варя застала его за чтением вслух «Приключений Мюнхаузена». Книга была подарена Дарьей, которая одно время даже всерьез подозревала — Андрейка не сын ли ее мужа Родиона: тот в раннем детстве, как успела ей рассказать рано покинувшая этот мир свекровь, рос таким же книголюбом. Но нет, внешне Андрейка был уменьшенной копией Вариного мужа Ивана Одинцова. Владелец рыжих волос, почти прозрачной светлой кожи и крупного носа, Андрей унаследовал от отца и аллергию на шоколад.

Иван уже в который раз задерживался до позднего вечера в больнице. Именно там, в прозекторской, и никак иначе, чему Варя верила безоговорочно. Хотя в сознании короткими вспышками и мелькали сомнения, она их тут же гнала прочь. Но в последнее время все чаще стала замечать, что ее убежденность в том, что

если не думать об измене, таковой и не случится, приводит Дарью в состояние истерического недоумения. При обсуждении этой темы, которую Дарья поднимала с настораживающим постоянством, кузина, глядя на Варю со смесью жалости и злости, издавала короткие нервные смешки, заставляя злиться уже Варю. Варя же порой не понимала, на кого направлена эта злость — на сестру или на саму себя, но упорно пыталась защитить то, на чем, как она считала, держится их с Иваном семья: честность и преданность друг другу. Да, звучит немного пафосно, но по-другому не скажешь. Но, проговаривая эту фразу вслух как мантру, Варя старалась на сестру не смотреть.

Вчера муж вернулся почти в десять, Дарья, забежавшая к ней вроде бы на минуточку часа два назад, никак не уходила. Иван бегло поздоровался с ней, извинившись, ретировался в ванную комнату, а на вопрос Вари, разогреть ли ужин, выкрикнул короткое «нет». Варя посмотрела ему вслед, обернулась к Даше и наткнулась на ее укоряюще-тяжелый взгляд. Дарья молчала, но заметив ее поджатые в кривой ухмылке губы, Варя вдруг подумала, что у той, видимо, имеются какие-то веские основания не доверять Одинцову. Но по какой-то причине сестра до сих пор их не озвучила.

В этот момент Варя и приняла для себя тот факт, что пора бы ей посмотреть на поздние возвращения мужа с другой, более объективной позиции. Конкретных фактов для обвинения Одинцова во вранье у нее не было. Только один маленький эпизод, одна на днях подсмотренная через окно кафе сценка... Ее муж и красивая дама друг напротив друга, цветы в низкой круглой вазе, перед каждым — креманка с шариками моро-

женого. Романтично... Разве что женщина уж как-то старовата для Вани. Да и свидание, если это было оно, случилось у них ярким солнечным днем, на глазах у прохожих, в самом неподходящем для тайных встреч месте — кафе располагалось на людной пешеходной городской улице.

Варя прошла мимо совсем близко, даже задержалась на несколько секунд у окна, но парочка ее не заметила. Женщина говорила, муж Вари слушал ее внимательно, но по выражению лица невозможно было определить, интересна ли ему тема беседы. Как показалось Варе, Иван был немного напряжен, это выдавали его застывший взгляд и сжатые в кулаки руки. Со стороны можно было подумать, что парочка выясняет отношения. Но более сдержанно ведет себя мужчина.

С сильно бьющимся сердцем, уговаривая себя не волноваться на пустом месте (а такое ли оно пустое?), Варя дошла до скамейки у фонтана, опустилась на нее бочком и еще долго сидела в напряженной позе, не отрывая взгляда от двери кафе. Иван вышел один, Варя быстро набрала его номер на мобильном, задала вопрос: «Ты где?» Услышав в ответ: «В клинике», вдруг разом успокоилась. Что уж теперь, ничего не изменишь, свершилось...

«Сегодня поговорю с ним, в конце концов, эта неизвестность невыносима!» — решила она, выходя из детской и закрывая за собой дверь.

Спать хотелось смертельно, она непрерывно зевала и, проходя мимо спальни, с трудом избежала искушения зайти туда и лечь в постель. «Ничего, чаю выпью, на час-другой меня хватит, а там посмотрим», — подумала она, спеша на кухню. Варя достала с полки кера-

мическую банку с травяным сбором с ее загородного клочка земли — места, где ей удавалось побыть одной — ни муж, ни дети на участок ни ногой. Так было заявлено ими в первый же день после приобретения ею в собственность этих шести соток в поселке Дружный, что в двадцати километрах от города. Покупка была блажью, она согласно кивала своему практически мужу, пытавшемуся доказать ей нецелесообразность вложения пусть даже таких малых средств в землю, но упрямо стояла на своем. Иван сдался, три четвертых части ее семьи еще неделю демонстративно выказывали свое «фи», но Варя лишь улыбалась. Поняв, что сто двадцать одна тысяча, выигранная мамой в лотерею (билет был ей буквально навязан в кассе супермаркета), никогда уже не материализуется в дензнаки, дети успокоились, согласившись на компенсацию в виде домашнего йогуртового торта. Иван же при каждом случае, когда срочно нужна была какая-то сумма денег, припоминал ей эту покупку, что неприятно удивляло Варю: она никогда до этого не замечала в нем такой злопамятности.

Варя налила в чашку ароматный напиток и вышла на лоджию. С высоты седьмого этажа припаркованную на обычном месте «Тойоту» Ивана она узнала сразу — белый капот после летней небольшой аварии он так и не перекрасил в черный цвет. Золотистая иномарка, оставленная хозяином прямо на дороге, показалась ей знакомой, но только что делать Дарье в их дворе поздно вечером? И уж если это она, почему бы не подняться в квартиру? Варю вдруг охватило беспокойство: габариты их машины были включены, то есть Иван все еще находился внутри. «Один? Или с кем-то?» — успе-

ла подумать она, и тут же дверца со стороны пассажира открылась. «Родион?» — вроде бы узнала она мужа Дарьи, который быстро пересел за руль иномарки, тут же рванувшей с места.

Варя наблюдала за Иваном до тех пор, пока тот, зайдя в подъезд, не скрылся из виду. Еще немного, и она задаст ему вопрос — что происходит? Когда-то, после одной из знаковых ссор, они договорились, что любой конфликт, любое недопонимание можно разрешить словами. Просто поговорить. Иван, более скрытный, чем она, пошел на это неохотно, как она подозревала, лишь в угоду ей. Но тогда Варя поставила ультиматум — или так, или — развод. Потерять ее муж, видимо, был не готов.

* * *

Одинцов заметил свет в кухонном окне их квартиры не сразу — когда, щелкнув брелоком сигнализации, машинально поднял голову. Значит, объяснений не избежать — скорее всего, Варя видела и машину Дарьи, на которой Родион приехал на встречу.

Иван понимал, что промолчать не удастся, завтра к десяти утра ему к следователю, нужно будет как-то объяснить жене, с чего бы это его вызывают. Он надеялся, что они вместе с Родионом придумают, о чем можно сказать ему, а о чем лучше не заикаться. И что ответить жене. Родион, выслушав нехитрую короткую историю его знакомства с Анной, выдал однозначное мнение — поведать историю так же коротко и Варе, не умалчивать и о свидании в кафе. Говорить максимально правдиво, слегка каясь. Типа, не было ничего такого, один раз кофе выпили, мороженкой полакомились, за

жизнь поговорили. И в полиции покаяться искренне — повелся, мол, на зрелую красоту, так уж вышло. Ожидалось развитие отношений, а вместо того вон как получилось — увидел женщину на столе в прозекторской... неживую.

Вполне складно, но это — полуправда. Главное, сможет ли он не выдать главную информацию? О том, что Анна — родная мать его жены Варвары. Родион бы смолчал — глазом не моргнул, а ему, Ивану, еще отретпетировать упрощенную версию необходимо, чтобы не покраснеть в ненужный момент — такая особенность его светлой кожи, доставляющая массу неудобств, порой даже неприятностей. «Что ты Варьке скажешь — вот так, из ниоткуда ее мать появилась, столько лет мертвой считали, а она воскресла вдруг? С какой целью ожила, интересуюсь спросить? Не озвучила?» — с откровенной насмешкой в голосе допытывался Родион, а Иван в ответ молчал. Не знает он причин, не знает, и где пропадала Анна столько лет, если урна с якобы ее прахом захоронена на кладбище села Ровенки в склепе предков сестер Анны и Катерины Тураниных. Катериной и захоронена в тысяча девятьсот девяносто втором году, когда Варваре было всего шесть лет. После смерти матери, теперь уж понятно, что мнимой смерти, Варя воспитывалась в семье Катерины и ее мужа Александра Нила. Поэтому их с Родионом жены так близки: росли, словно родные, хотя на самом деле приходится друг другу кузинами.

Иван шел на седьмой этаж пешком — давно решил, что хотя бы таким способом сможет избежать набора веса: по рассказам воспитавшей его бабушки, его отец был человеком совсем не худым. Да и мать, как он сам

помнил, обладала весьма пышными формами. Одинцов увальнем выглядеть рядом с миниатюрной женой никак не желал.

На площадке между пятым и шестым этажами он услышал знакомый звук: щелкнул замок двери их квартиры. Еще полтора лестничных пролета, и его встретит вопросительный взгляд жены.

Глава 2

«Кажется, я зря Ваньке насоветовал не выдавать всей правды об Анне. Черт, как я забыл, что Варя видела его с женщиной, когда они сидели в кафе? — Родион недалеко отъехал от дома Одинцовых, но уже набрал скорость, как внезапно пришла в голову эта простая мысль. — Я-то знаю теперь, что это была воскресшая мать Варьки. А сама Варвара? Если бы для нее это было неважным, с Дашкой не поделилась бы. А та сразу мне выложила, наверняка обе гадали, как это Ванька повелся на такую пожилую даму. Уверен, что Варя задаст ему сегодня этот вопрос. Вот правда и вылезет наружу: Иван, припертый к стенке, выложит об Анне все хотя бы для того, чтобы реабилитироваться в глазах жены, мол, не любовница это была. Да, тупо было надеется, что все обойдется. Короче, сгруппил я!»

Родион припарковался у обочины и набрал номер Одинцова.

— Вань, это я. Еще не поднялся в квартиру? Тогда слушай внимательно. Забыл сказать, что Варвара тебя застучала с этой Анной. Да, в кафе. Дашке рассказала. Как это что? Ну Варька-то не знает, что это была ее